

На краю обрыва

Двери кабинетов были распахнуты, слышались возбужденные голоса, ковровая дорожка, всегда лежавшая безукоризненно ровно, теперь была сбита, сморщена, местами завернулась, словно по ней прогнали табун. Таким он видел ЦК впервые. Чопорная, степенная, даже таинственная атмосфера этого места всегда заставляла всякого попавшего сюда внутренне подобраться, говорить приглушенно, тщательно подбирая слова. И вот — галдящая толпа у каждого из окон, выходящих на площадь Брежнева. Но смолкающая при его появлении.

Он медленно идет по коридору, ненадолго останавливается перед каждым кабинетом и снова шагает, погружившись в раздумье.

Что у них на душе — у этих осанистых инструкторов и инспекторов в импортных костюмах, у этих гладко причесанных партийных дам? Испугались? Наверное, кто-то струхнул. Но как поймешь — внешне выглядят просто любопытствующими, зеваками.

Каждый прошел хорошую школу; скрывать свои мысли и чувства, лицедействовать — это мы умеем...

Он остановился перед закрытой дверью приемной Первого. Табличку с именем Кунаева уже сняли, видно, ночью прислали заспанного работягу с важным государственным заданием. Совершенно секретным!

Впрочем, нет, уже не секретным. О пленуме успели объявить в вечерних новостях. И вот — в семь утра толпа студентов на площади. Говорят, что студенты, а там кто их разберет. Скоро все выяснится.

Он открыл дверь, вошел. Помощник Первого в темно-синем костюме отпрянул от окна, на лице легкое смущение, будто застали за чем-то предосудительным.

— Геннадий Васильевич ждет вас в кабинете Камалиденова, — и с извиняющейся улыбкой добавил: — Площадь отсюда не видно, а там — как на ладони... Члены Бюро тоже с ним.

Забежав вперед, помощник учтиво распахнул дверь в коридор. Назарбаев неспешно зашагал по коридору в сторону кабинета, который два с половиной года назад занимал он сам. После его перехода в совмин удобное помещение с видом на площадь облюбовал «идеолог» Камалиденов.

Колбин стоял возле стола совещаний, положив на него короткопалую сильную пятерню. Рослый, грузноватый мужик с грубо вылепленным лицом. Типичная внешность секретаря обкома. Но не первого секретаря республиканской компартии. После вельможного Димаша Ахмедовича... Тот гигант, в каждом жесте властность и в то же время почти аристократическая простота. Все-таки быть так долго первым лицом — это не баран чихнул.

Сидевшие за столом несколько членов Бюро компартии Казахстана словно по команде повернули

головы к двери, когда вошел Назарбаев. И сопровождали его взглядами, пока он шел через внушительный кабинет секретаря по идеологии.

Колбин снял ладонь со стола, протянул гостю.

— Почти все собрались, вас дожидаемся, Нурсултан Абишевич, — махнул в сторону окна. — Что скажете про этот спектакль? Неприятно. Хотелось бы понять, кто им подморгнул, откуда им про кадровый расклад в республиканском ЦК известно...

Что было отвечать? Все и так было ясно. Кремлевские мечтатели с размаху сели в лужу. «Неприятно» — Горбачева, наверное, уже с постели подняли. Какая уж тут приятность!..

Этот короткий разговор, состоявшийся в первые минуты после начала демонстрации, Назарбаеву вспоминался потом не раз. Именно тогда, уйдя от Колбина и оставшись наедине с собой в непривычно пустом цеховском коридоре, он впервые ощутил себя на краю пропасти. Осознал, что все случившееся с ним прежде не идет в сравнение с тем, что вершилось у него на глазах хмурым холодным утром 17 декабря 1986 года.

Смещение с поста первого секретаря компартии Казахстана, трижды Героя Социалистического Труда, академика, прошло на удивление быстро и буднично. Пленум продолжался — шутка сказать — 18 минут. Предложение кандидатуры Колбина, сделанное секретарем ЦК КПСС Разумовским, не вызвало возражений. Все уже были ознакомлены с решением всемогущего Политбюро, состоявшемся пятью днями ранее: Кунаев уходит на «заслуженный отдых» и выводится из состава партийного ареопага. Старик сидел с непроницаемым лицом, словно его и не касалось происходящее. Выдержке его можно было только позавидовать.

Не было ничего сенсационного и в предложении избрать руководителем республиканской компартии русского. Среди предшественников Колбина кого только не было на этом посту. Первым — еще в 25-м году — из Москвы прислали Виктора Нанейшвили. Он, правда, пробыл секретарем Казкрайкома (так тогда именовалась высшая партийная инстанция) всего несколько месяцев. Сменивший грузина Шая Голощекин, еврей, правил здесь целых восемь лет. Следующим стал армянин Левон Мирзоян. Его отвезли Москву и расстреляли. Потом было двое русских — Николай Скворцов и Геннадий Борков. Дошла очередь и до казаха — с 46-го по 54-й правил Казахстаном Жумабай Шаяхметов. Сидел бы на этом посту и дольше, да высказался против подъема целины чохом, предлагал постепенно, чтобы землю поберечь. Но против своенравного Никиты силенок оказалось мало, «ушли» толкового руководителя. На его место прислали бывшего партизанского батьку Пантелеймона Пономаренко, ему на смену явился Леонид Брежнев, мало кому в те поры известный. Сделал в Казахстане карьеру — как раз на годы его секретарства пришлось и целина, и строительство Байконура. Уехал в Москву секретарем, отвечавшим за космос. Тогда и пришел час Кунаева, еще при Брежневе ставшего премьером республиканского правительства. Крепкая дружба эта помогла Кунаеву после недолгого падения с партийного олимпа. Никита вытащил своего кандидата — уйгура Исмаила Юсупова. За два года, что тот пробыл у власти в республике, дров успел наломать, как и его московский патрон. Как только вытурили Никиту в 64-м, Димаш Ахмедович в свой цековский кабинет вернулся. И вот теперь, через 22 года, должен был его покинуть, теперь навсегда.

И все-таки, несмотря на то, что сидевшие на пленуме люди хорошо знали про этот национальный хоровод, почему-то ожидали, что на этот раз предложат кандидатуру казаха. И Назарбаев в это верил до недавнего времени. Потому что знал: в республике выросли крепкие собственные кадры и «варяги» уже не нужны. В свой последний приезд в Москву он получил от симпатизировавших ему цековских работников информацию о том, что, хотя решение об уходе Кунаева уже принято, в Политбюро раздумывают над его советом не назначать своим преемником казаха. Обоснованием такой рекомендации было то, что в республике царит клановость и приход к власти представителя одной из группировок может породить нестабильность. Назарбаев сразу понял, в кого метил уходящий гроссмейстер казахстанской политики. Не простил открытой, честной критики в свой адрес. И все же не верилось, что Горбачев может пойти на поводу у отставленного патриарха.

Назарбаев был, конечно, уязвлен. Ведь он не держал зла на Димаша Ахмедовича даже после того, как тот устроил форменную слежку за своим молодым соперником. Соперником, конечно, в представлении самого Кунаева. Назарбаев, только недавно назначенный главой правительства республики, и не помышлял о том, чтобы оттеснить старика, наоборот, с огромным энтузиазмом впрягся в хомут «хозяйственника» — это то, что он всегда предпочитал партийной работе. Вся его предшествующая биография должна была доказать недоверчивому патриарху, что молодого и энергичного металлурга из Темиртау всегда чуть не силком затаскивали на партийные посты и он давал согласие лишь тогда, когда ему определяли сферой ответственности про-

мышленность и строительство. Но при всем этом он старался играть самостоятельную роль.

Получив назначение на должность премьер-министра республики, Назарбаев и здесь поначалу держался вне политики, но, осознав всю глубину проблем, в которых погряз Казахстан, рьяно принялся за дело. Слишком самостоятельным показал себя в отличие от своего предшественника, 14 лет просидевшего в премьерском кресле и никогда не бравшего на себя инициативы, не заручившись одобрением Первого. Активность и деловитость самого молодого на тот момент предсовмина заметили и оценили в Москве. У Назарбаева быстро появились влиятельные покровители, не зависящие от Кунаева. Это больше всего встревожило политического должителя — прежде все кремлевские связи замыкались на нем.

Прошло всего полтора года после назначения, а отношения Первого и премьера совершенно переменились. Вместо послушной пешки, каким представлял себе главу правительства Кунаев, рядом с ним оказался человек, способный вынести сор из избы. А сора накопилось предостаточно. За годы застоя, одним из столпов которого был верный сподвижник Брежнева, в Казахстане, как и во всем Советском Союзе, произошли столь значительные перемены, что только слепой мог не замечать и игнорировать их. Кунаев слепым не был, напротив, хорошо знал подноготную каждого из более или менее заметных деятелей республиканской номенклатуры. Но исподволь вьезшаяся привычка приукрашивать действительность в угоду кремлевским старикам, пуще всего боявшимся волновать «дорогого товарища Леонида Ильича», стала второй натурой и самого Кунаева, человека преданно служив-

шего системе, которая его взрастила. Такова была природа власти, сложившейся за годы, прошедшие после смерти Сталина. Правящий слой больше всего хотел спокойствия, а всякий правдоискатель виделся источником нестабильности системы. «Тебе что, больше всех нужно?» — по-простому говорили работяги своему не в меру шустрому товарищу. Более искушенные бюрократы никогда ни деятельному коллеге, ни друг другу такого не сказали бы, зато чувствовали опасность почти звериным чутьем и без всяких слов, одними биотоками создавали поле солидарности, отторгающее смутьяна. «Не мешайте работать», — сакраментальная фраза, сложившаяся в тесном мирке советских бюрократических закоулков, дожила и до времен демократии. Только теперь ею, как щитом, стали заслоняться от того, кто пожелал бы нарушить корпоративную благодать.

Несмотря на то что Кунаев явным образом показывал свое намерение разделаться с «молодым да ранним», Назарбаев не испытывал ненависти к своему противнику. Он даже иногда ловил себя на том, что восхищается старым бойцом. Ведь и в самом деле, удивительный тип деятеля возрос в политической реторте, подогревавшейся чистками и массовыми репрессиями. Даже когда они прекратились, порода, выведенная в обжигающем бульоне ВКП(б), продолжала самовоспроизводиться в следующем поколении партийных боссов.

Назарбаев всеми своими действиями показывал: во главе республики вполне могут стоять два самостоятельных игрока, если будут не враждовать, а сотрудничать. Это была логика прагматика, но она оказалась неприемлема для того, кто большую часть своей жизни посвятил выстраиванию

Конец эпохи (декабрьские события 1986 года в Алматы)

собственной пирамиды власти. У этой фигуры не может быть двух вершин! Нормальную дискуссию он воспринимал как покушение на собственный авторитет. Его поступками руководила логика схватки. Согласно ей должен остаться только один из противников...

С этими мыслями премьер-министр долго стоял у окна одного из цеховских кабинетов и смотрел на площадь, все больше заполнявшуюся народом. Над морем голов то там, то здесь поднимались явно наспех написанные транспаранты с призывами к справедливости, демократии не на словах, а на деле, учету интересов казахов или попросту требовавшие «Долой Колбина!» Кое-где виднелись портреты Ленина и даже мелькнула лысая макушка Горбачева, почему-то сразу же исчезнувшая в толпе.

Всего этого, конечно, не было бы, если бы не странное решение о выдвижении кандидатуры Колбина. Трудно было отделаться от впечатления, что события запрограммированы. Как и смириться с мыс-

лью, что мир в республике принесен в жертву чьим-то мстительным расчетам...

Как бы то ни было, он осознал, что неожиданно оказался на переломе своей столь успешно складывавшейся жизни. Словно зачарованный спокойствием и тишиной благоуханного джайляу, вдруг замер, едва не сорвавшись в зияющую пропасть. И теперь, стоя на краю обрыва перед черной бездной, уже не слышит пения птиц, не чувствует аромата цветов и трав. Какой контраст с тем восторгом, который наполнил его, когда он впервые оказался на головокружительной высоте, с которой открывалась необъятная равнина, безбрежная, как жизнь, которой, казалось тогда, не будет конца.

Часть первая

ВЗЛЕТ

Что видят птицы

Наверное, ему было чуть больше года, когда отец поднял его на руки, стоя на краю плато, крутым уступом обрывающегося к лоскутному одеялу полей и садов далеко внизу. Когда он стал подрастать, то и сам уже часто просил остановить повозку, чтобы постоять над обрывом, полнясь восторгом и томительным трепетом. Он ощущал себя равным беркуту, плавно нарезавшему круги вровень с ним. Жаль только было, что он мог видеть лежащую внизу землю только с этого крутого склона, где дорога поворачивала с плато в долину. Птицы же видят этот мир таким всегда, им дано уноситься в любую сторону, возноситься все выше и выше, покуда мы, люди, не покажемся букашками.

До пяти лет он вообще не бывал там, внизу, проводя все время с отцом и матерью на пастбищах в старой юрте. У них и жилья-то своего не было в Чемолгане, куда отец Абиш время от времени уезжал.

Колыбель в драгоценной оправе сияющих гор

В воображении ребенка с этим названием связывалось что-то загадочное и прекрасное, но представить себе, что это такое, было очень трудно. Говорили, что там много домов и много людей. Мальчик смотрел на зеленые холмы Ушконира, опоясанные стеной заснеженных пиков, и пытался вообразить, что будет, если вместо одного полуразвалившегося саманного домишки по травянистому полю рассыплются другие такие же, а между ними станут сновать люди, не те несколько фигурок чабанов, которые он мог видеть каждый день, а много-много людей, как овец в стаде.

«Чемолган, Чемолган, Чемолган», — постоянно произносили взрослые — и родители, и наведывавшиеся к ним гости, и просто проезжие люди. Глядя на ребенка, внимательно слушавшего их беседу, один аксакал сказал как-то:

— Скоро ли, Нурсултан, тебе в школу? Ты, как я погляжу, уже совсем большой мальчик.

Мать прижала его к себе и сказала:

— А ведь он еще ни разу не был в Чемолгане с тех пор как я привезла его сюда сосунком.

— Ничего, Альжан, привыкнет быстро. Друзей найдет — народу у нас хватает.

Наконец великий день настал. Абиш, вернувшийся после очередной отлучки, объявил, что можно перебираться в село. В бараке на десять семей и для них отвели место.

Однажды в их закуток постучал молодой человек в гимнастерке с синими погонами. Оказалось, приехал племянник Абиша, служивший в МГБ в Алма-Ате. Посидев с родителями за чаем, предложил свозить Нурсултана в столицу, показать ему городскую жизнь. До столицы было недалеко, километров тридцать, но в те времена поездка туда была непростым делом. Автобусы ходили редко, чаще приходилось добираться на попутках по пыльной тряской дороге. Для семилетнего мальчугана путешествие в кузове полторки показалось просто восхитительным, хотя мешки с картошкой и капустой, на которых поместились многочисленные пассажиры, дружно подпрыгивали на ухабах. Еще большее впечатление произвел на него магазин, куда они зашли с двоюродным братом. Он оказался двухэтажным! Такого огромного дома Нурсултан до тех пор не видел. Родич водил его за руку по этому необычному торговому заведению, прямо-таки ломившемуся от товаров. В сравнении с чемолганской лавкой, где можно было приобрести махорку, верблюжье седло да полуведерный чайник, здесь царило изобилие. Нурсултану были куплены штанишки, рубашка и сандалии.

Когда мальчик подрос, отец стал брать его с собой в Алма-Ату на базар, то с выращенным уро-

жаем яблок или овощей, то с накошенным сеном, которое продавали на рынке, где шла торговля скотом. Но в такие поездки удавалось увидеть немного, разве что провезут по окраине. А вот во время школьных экскурсий он побывал в центре, сходил в музей, погулял по парку, где взмывали к небу струи фонтанов, где над пестрыми клумбами возвышались гипсовые пионеры с горнами, футболисты в гетрах и бутсах, девушки с веслом, а над самой роскошной из клумб склонился над книгой кудрявый мальчик Володя Ульянов.

Богатство и роскошь Алма-Аты поражали в сравнении с тем, что видели вокруг себя чемолганцы. Особенно скромно жила семья Нурсултана. Прошло несколько лет, пока у них появилось собственное жилье — домик из двух комнат на окраине. К тому времени у Нурсултана появился брат Сатыбалды, и мальчик охотно возился с новорожденным, часто заменяя ему няньку. Несмотря на юный возраст первенца и небольшие силенки, он сразу после поселения в Чемолгане стал деятельным помощником по хозяйству. А оно было совсем не маленьким — лошадь, корова, пять овец и два десятка кур. Натаскать всем им воды, задать корму, почистить хлев — одной здоровой руки Абиша для этого было маловато.

Да и на стройке дома Нурсултан пригуждался. Его возводили почти без посторонней помощи — это бы еще полбеды. В семье только и разговоров было, каких трудов стоит раздобыть каждую доску, каждый кирпич — в те послевоенные годы почти ничего невозможно было достать легальным путем. Приходилось выкручиваться — нужному человеку поднести баранины или конины, яблок из сада. В итоге, несмотря на инвалидность — левая рука

Семья Абиша Назарбаева

у Абиша едва слушалась, — он сумел слепить вполне приглядную хатку.

С наступлением лета снова отправлялись на раздольные джайляу Ушконыра присматривать за колхозными стадами и отарами. Когда возвращались, молодые яблони опускали до земли ветви, отягощенные богатым урожаем. Сад был особой страстью отца — он вынашивал мечту о нем в долгие годы, проведенные на пастбищах. Когда выдавалось свободное время, трудился на выделенном совхозом участке. Полукочевник, любящий и понимающий животных, охотник — знаток повадок диких зверей и птиц, он с еще большей страстью отдавался возне с растениями. Да в благодатном краю у подножия Илийского Алатау, где прилепился Чемолган, и странно было бы не возлюбить смиренное искус-

ство садовода. Здешний апорт и другие знаменитые сорта яблок, сливы, груши, абрикосы, алыча — все это великолепие, каждую осень пестревшее на ветвях садов, даже далекого от сельских забот человека властно влекло приложить свои силы в помощь щедрой матери-земле.

Нурсултан постоянно был рядом с отцом, наблюдал за тем, как идет прививка, помогал в обрезке, не говоря уже о сборе плодов. Вместе радовались, видя, как приживаются на стволе яблони побеги других культур. Вместе гордились, когда на одном дереве рдели вишни, желтели груши и подставляли солнцу розовые бочка наливные яблочки.

А вскоре начались и совсем уж взрослые заботы — в 48-м году Нурсултан пошел в школу. Взрослые потому, что помощи в учебе ждать ему не приходилось — родители были неграмотными. Тем не менее он прекрасно со всем справлялся и быстро сделался лучшим учеником. Едва научившись читать, приохотился к книге. Мать со временем даже беспокоиться стала: не переборщил бы с этим, «мозги закипят». Иной раз выгоняла его на двор подышать свежим воздухом. Но едва он вновь садился за тетради и книги, шикала на всех, чтобы не шумели. Отношение родителей к Нурсултану можно было назвать поклонением. Долгожданный — шесть лет у них не было детей — первенец воплотил мечту Абиша о продолжении рода. Хотя позднее появились еще трое детей — Сатыбалды, Анипа, Болат, — это не уменьшило степень обожания старшего. Вера в особое призвание первенца издревле была свойственна всем народам, на Востоке она сохранилась поныне. В нем, в таком желанном, вся нерастратенная сила молодости его родителей, именно в его рождении явлено первое чудо любви.

Нурсултан ежечасно ощущал счастье быть облаканным то взглядом, то словом, то прикосновением руки. И даже годы спустя, покинув родное гнездо, он будет чувствовать нерушимую связь с отчим домом, с землей, над которой шумят посаженные им деревья. Само имя, данное ему при рождении, словно незримая нить соединяла его с душами тех, кто выбрал его из тысяч имен. Бабушка, отец, мать — наверное, они долго обдумывали это, прежде чем остановиться на сочетании арабских слов «нур» и «султан». Первое означает свет, божественную истину, ниспосланную Всевышним, а второе — власть, могущество. Возможно, осознанно, а скорее интуитивно его семья выразила в этом имени свою надежду на то, что первенец станет украшением рода, восходящего к знаменитому воителю Карасай-батыру.

Школа в Чемолгане была невелика, хотя в селеении было не так уж мало людей — без малого тысяча. Да только казахов было меньше половины, оттого и первых классов оказалось два русских, один казахский, да и в том всего семь учеников. Хотя это имело и свою положительную сторону — с каждым ребенком учительница занималась больше, чем в классах с полной численностью.

Раньше, говорил Абиш, селение было много меньше, а доля казахов среди жителей куда больше. Хотя и прежде здесь жило много русских, татар, узбеков, уйгуров, но того смешения племен, которое совершилось в этих местах в предвоенные и военные годы, все-таки не было. За считанные годы край у подножия Илийского Алатау превратился в большую ярмарку народов. Сначала тонкой струйкой стали прибывать высланные из западных областей Советского Союза русские и украинцы. За ними в гораздо большем числе последовали корейцы

с Дальнего Востока. С началом войны поехали эвакуированные жители городов Украины, Белоруссии и России. Потом появились немцы, а за ними хлынул поток разных народностей, про которых здесь и не слыхивали: чеченцы, карачаевцы, кумыки, курды, греки, крымские татары. В основном это были жители тех местностей, которые ненадолго оказались под контролем вермахта. Естественно, что часть населения, оказавшаяся в оккупации, пошла на сотрудничество с немцами, ибо воспринимала их как освободителей после ужасов раскулачивания, ежовщины, всевластия НКВД. Лаврентий Берия, главный вдохновитель наказания «народов-предателей», под горячую руку переселял и тех, кто под немцами не был и поэтому сотрудничать с ними не мог. Так попали в Среднюю Азию турки-месхетинцы. Пальцев на руках не хватало, чтобы перечислить национальность тех, кто водворен был здесь с клеймом спецпереселенцев.

Приедет, бывало, полуторка, набитая народом, выйдет из кабины офицер в фуражке с синим околышем, достанет из планшета бумагу и скамандует: такие-то, общим числом столько-то душ, выгрузайсь! Из кузова выберутся мужчины, старики, женщины, некоторые с младенцами на руках, дети постарше. Рыкнет полуторка выхлопной трубой, повисит мгновение над улицей голубой дымок и растает. Приезжие, одетые в непривычные для этих мест кафтаны и головные уборы, в повязанных на особый манер головных платках, озираются, сбившись в кучку, говорят вполголоса на странном гортанном языке.

В один из дней рядом с еще не совсем достроенным домиком Абиша сгрузили большую семью, главу которой сразу можно было узнать по тому по-